

СЕВЕРНАЯ ДОРОГА КОНТАКТОВ И МИГРАЦИЙ

В.Д. Викторова

Исторически сложилось так, что археология северо-востока Европы и исследования древних памятников северо-запада Западной Сибири развивались относительно самостоятельно и не часто пересекались. Возможно, поэтому у этнографов возникло представление о том, что северотаежный ареал выделяется бесцветностью на археологической карте и пестротой в контексте исторических событий (Головнев, 1995, с. 85).

Вместе с тем, смешение различных типов керамики синхронных археологических культур в северотаежной части как восточной части Европы, так и Западной Сибири — один из показателей «пестроты» культурогенеза можно пронаблюдать на археологических материалах, начиная с эпохи неолита вплоть до рубежа 1-2 тыс. н. э.

Есть два фактора, объясняющие это явление. Постоянно действующий фактор — сезонные перекочевки охотников за стадами лесных и тундровых копытных и спорадический — миграции. Сочетание этих двух факторов в течение тысячелетий, в конечном итоге, привело к сложению финских, угорских и самодийских этноязыковых объединений в регионе, но при этом постоянное смешение продолжалось и в этнографическое время.

Первый фактор был отмечен исследователями еще в конце XIX — начале XX вв. Так А.Е. Теплоухов (1880, с. 28) наблюдал, как периодически дважды в год олени и лоси пересекали хребет. Осенью из Приуралья они шли на восток, в Зауралье, где снежный покров был в два раза меньше, весной — в обратном направлении.

Сложению многочисленных звериных троп благоприятствовала разветвленная гидросеть в регионе и близость истоков различных речных систем. Описывая хозяйство и быт чердынских вогулов/манси, И.Н. Глушков (1900, с. 49-50) писал, что поздней осенью и ранней весной охотники пользуются перекочевками лосей через Урал по проходам, где сходятся верховья сибирских и европейских рек.

По всей вероятности, многочисленные промысловые тропы пересекали весь таежный край Северного Урала. Этнографические данные свидетельствуют, что только по водоразделу рек Конды и Се-

верной Сосьвы проходило пять промысловых троп с тесами/тамгами на деревьях (Югорск, 1997, с.24).

Сезонные перекочевки копытных начались, по всей вероятности, в раннем голоцене, когда установились ландшафтные зоны современного типа. В этот же период мезолитическими общинами началось активное освоение лесных пространств. Возможно, уже тогда древние охотники начали настораживать луки на тропах сезонных миграций лосей и оленей. Остатки сторожевых луков найдены на Висском I торфянике северо-востока Европы (Буров, 1968, с.197).

Наличие промысловых троп, пересекавших хребет, начиная с мезолитической эпохи, создали условия для производственных, технологических и, возможно, семейных связей аборигенов тайги.

Для широтных миграций использовались те пути, по которым относительно большие группы населения могли перемещаться с бассейнов европейских рек в истоки азиатских и в обратном направлении. Речь пойдет о маршруте, который пролегал через Уральский хребет там, где сходились с одной стороны истоки Волги (Камы — Вишеры), Северной Двины (Вычегды), Печоры, с другой — верховья притоков Оби — Тавды (Лозьвы, Пельма), Конды и Северной Сосьвы. Эта широтная дорога разветвлялась в меридиональном направлении как к северу — рр. Печора, северная Двина, так и к югу — Кама (Чусовая), верховья Туры, верховья Исети.

Одним из доказательств контактов населения евразийской тайги является распространение на территории от Карелии до бассейна р. Лены топоров с выступами, близких по форме и технологии изготовления. В.Н. Чернецов (1953, с. 10-12) и А.А. Погодин (1994, с. 175) полагали, что на этой большой территории существовал этнокультурный ареал древнего населения. В его пределах выделено три типа изделий с ушками — байкальский, ангарский, илимский, возможно, соответствовавших трем конкретным общностям.

Есть ряд оснований для выделения четвертого типа тесел с ушками — восточно-уральского (рис. 1). Время бытования самых ранних изделий подобного типа было определено при исследовании построек позднемезолитического поселения Леуши IX.

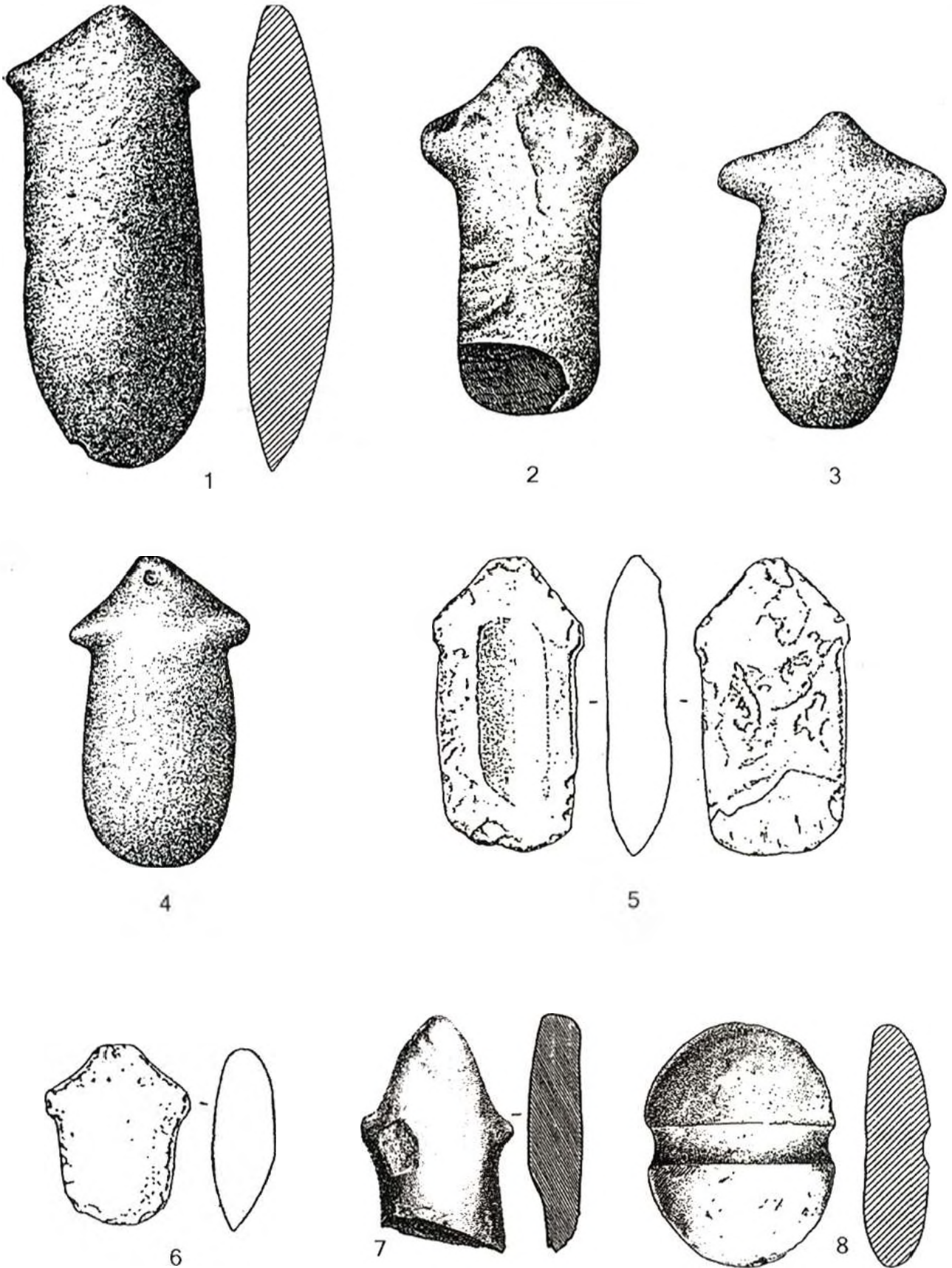

Рис. 1. Изделия из камня эпох мезолита и неолита.
 1 — Мань-я (Северная Сосьва); 2 — из «чудской могилы»; 3-4 — Восточный склон Урала; 5-6 — Леуши IX (бассейн р. Конды); 7- Палатки 1 (Верховья р. Исети); 8 — Хулюм-сунт (Северная Сосьва).
 1, 4, 7 — по В.Н. Чернецову; 5-6 — по А.А. Погдину.

По размерам изделий и технологии их изготовления — пикетаж и пришлифовка рабочего края — тесла, по мнению А.А. Погодина, близки к байкальскому типу. Треугольная форма обушка позволяет выделить их в самостоятельный тип.

Ареал распространения артефактов этого типа — р. Мань-я (1 экземпляр), Леуши IX, бассейн р. Конды (9 экземпляров), восточный склон Урала и «чудская» могила (3 экземпляра), Палатки I, верховья р. Исети (1 экземпляр). Таким образом, на таежную, в основном, северную часть восточного склона Урала приходится 14 целых и в обломках экземпляров находок тесел с выступами.

Ю.Б. Сериков (2001, с. 21-22) обосновал наличие своеобразной мезолитической культуры в Среднем Зауралье, отличной от североуральской в бассейне Конды. Три точки местонахождения тесел с выступами позволяют определить пути контактов мезолитического населения. Маршруты шли как в широтном направлении: рр. Северная Сосьва — верховья Тавды, так и в меридиональном: рр. Северная Сосьва — Малая Сосьва — верховья Конды — верховья Тавды, Туры, Исети.

Для более позднего неолитического времени известно значительно меньше находок тесел с выступами. Это изделия больших размеров с округлым обушком и полностью пришлифованной поверхностью. Они найдены на территории Среднего Зауралья в верховьях р. Туры (рр. Ис и Полуденка) и в верховьях р. Исети у д. Палкино.

В неолитическую эпоху появился еще более явный этнокультурный маркер — керамика. Определение прямых наследников мезолитических общностей северотаежного Урала и Западной Сибири — проблема дискуссионная. Можно отметить лишь, что на фоне широкого распространения остродонной керамики с прочерченно-накольчатой и гребенчатой орнаментальными традициями явно выглядит пришлой культура носителей плоскодонной валиковой посуды.

В настоящее время известны два ареала распространения памятников с подобной керамикой: черноторская культура на северо-востоке Европы от левобережья р. Северной Двины до правобережья р. Печоры (Косинская, 1997) и сатыгинский тип памятников (рис. 2,-6, 9) по другую сторону хребта в бассейне р. Конды и верховьях р. Тавды (Хлобыстин, 1993). Есть две версии истоков их миграции.

Л.Л. Косинская (1997, с. 155-158) приводит ряд доказательств существования черноторской куль-

туры на протяжении всей неолитической эпохи и видит в наиболее архаичных комплексах V тыс. до н. э. ряд аналогий с верхневолжской культурой и Оленеостровским могильником. Этот же исследователь (2001, с. 70) вполне убедительно доказывает сходство керамики черноторского и сатыгинского типа и определяет датировку последнего V тыс. до н. э.

Вторая версия истоков культур с валиковой керамикой связана с ее находками в составе комплексов боборыкинской культуры. Они обнаружены в верховьях р. Исети на неолитическом святилище и поселении Палатки I (рис. 2,-1,3), на поселении Исетское Правобережное I (Кернер, 1999, с. 25), на поселении Шитовской Исток XI (Зырянова, 2002, рис. 74,-6,7). Фрагмент валиковой керамики известен с боборыкинского поселения ЮАО-IX нижнего течения р. Туры (рис. 2,-4). Целый сосуд подобного типа обнаружен в составе быстринского комплекса V тыс. до н. э. в среднем течении р. Оби (Косинская, 2001, с. 68).

Кроме специфики керамических комплексов для памятников боборыкинской культуры лесной полосы Зауралья и Притоболья характерно наличие так называемых «утюжков». Каменный «утюжок» овальной формы с поперечным желобком (рис. 1,-8) известен с памятника Хулюм-сунт бассейна р. Северной Сосьвы.

Есть доказательства того, что истоки населения с памятниками боборыкинской культуры лежат в районе Передней Азии (Викторова, 2002а, с. 54-61).

Думается, что в такой альтернативной ситуации без новых аргументов проблема генезиса валиковой керамики эпохи неолита остается открытой. Но для выбранной темы рассуждений важно следующее обстоятельство: при любом варианте генезиса в продвижениях и контактах населения с валиковой керамикой задействованы как меридиональные пути по рекам или вдоль рек Зауралья и Западной Сибири, так и широтный маршрут через Уральский хребет.

По вопросу об истоках ямочно-гребенчатой/гребенчато-ямочной орнаментальной традиции на памятниках эпохи неолита Северной Евразии единого мнения не существует. О генезисе этой традиции на интересующей нас территории М.Ф. Косарев выдвинул несколько предположений (1991, с. 16-18). Первая версия о восточно-европейском происхождении традиции была созвучна мнению исследователей барабинской группы неолитических памятников (Полосьмак, Чикишева, Балугева, 1989, с. 33-34).

Этой же точки зрения придерживается В.И. Молодин (2001, с. 27). Он полагает, что поздненеолитические памятники с гребенчато-ямочной орнаментацией не являются автохтонными в Западной Сибири. Их генезис связан с памятниками европейского Севера. Автор просматривает возможный путь миграции этих племен по Оби и Иртышу.

Второй версии о местном происхождении гребенчато-ямочной орнаментации в районах предтаежного Зауралья и Обь-Иртышья придерживается сам М.Ф. Косарев и ряд других западно-сибирских археологов.

Третья версия о миграции населения с данной орнаментальной традицией из Восточной Европы в северотаежные районы Западной Сибири изложена М.Ф. Косаревым со знаком вопроса. Более определенная положительная точка зрения по этому сюжету принадлежит А.Ф. Шорину (1999, с. 66).

На памятниках северо-востока Европы в неолите действительно появляется керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией льяловского и балахинского типа, что было обосновано в статьях В.Е. Лузгина (1973). Л.Л. Косинская (1997, с. 186-187) относит появление ямочно-гребенчатой традиции в регионе к развитому неолиту, отмечая, что эта керамика не связана с местной мезолитической основой. В дальнейшем развитии при взаимодействии с черноборской и камской традициями происходит преобразование ямочно-гребенчатой орнаментации в гребенчато-ямочную.

Возможно, еще до этого преобразования происходили какие-то контакты (промысловые?) по дороге через хребет на восток. Иначе трудно понять наличие ямочно-гребенчатой керамики в составе комплекса памятника Сартынья 1. По характеру орнаментальной схемы (ср. Васильев, 1983, рис. 4,-9,10, и Косинская, 1997, рис. 12).

Итак, по обе стороны Урала к концу эпохи неолита сложились две культурные общности с гребенчато-ямочной орнаментацией керамики. Поэтому появление в Притоболье в позднем энеолите посуды с ямочно-гребенчатой керамикой, где многорядовые ряды ямок перемежаются чаще всего с однорядовым пояском гребенчатых оттисков, выпадает из эволюционной схемы как приуральской, так и западно-сибирской общностей с орнаментальной гребенчато-ямочной традицией. Появление новации в керамических комплексах Притоболья согласуется с точкой зрения В.Т. Ковалевой (1995, с. 13) об андреевской культуре как

культуре мигрантов. Контакты с этим населением дали новый импульс развитию гребенчато-ямочной традиции, результаты которого можно наблюдать на керамических комплексах с памятников Нижней Оби, в том числе бассейна р. Конды (Визгалов, 1988, рис. 2).

Возвращаясь к карте распространения энеолитических культур, можно увидеть, что в эту эпоху на памятниках всей территории Зауралья, а также в северотаежной зоне Урала и Западной Сибири фиксируются керамические комплексы с традицией изображения крупных геометрических фигур. М.Ф. Косарев (1991, с. 13-14) отметил две линии развития этой традиции — андроновидного геометризма в лесостепной и лесной полосе и «сотового» в северотаежном Приобье.

Как яркая боборыкинская культура, так и культуры с гребенчато-ямочной орнаментацией, на первый взгляд, как бы растворились.

Ямочный орнамент в большинстве случаев приобретает чисто технологический или декоративный характер. Пояски ямочек оформляют верхнюю зону под венчиком, разделяют горизонтальные, реже вертикальные зоны, ямочки подчеркивают завершение геометрических фигур (рис. 3).

Похоже, что иная судьба была у знаковой системы боборыкинской культуры. Хочу предложить следующую гипотезу о становлении орнаментального геометризма на сосудах большого региона Зауралья и северной тайги. Его подосновой была знаковая система боборыкинской культуры. Могут возразить, что между бытованием боборыкинских и энеолитических памятников с крупными геометрическими фигурами прошло много веков или даже тысячелетие. В этом случае я опираюсь на идею, которую выдвинул В.Н.Чернецов: семантически важные узоры/знаки могли исчезать на одних предметах (например, на керамике), но сохраняться в вышивках одежды, на берестяных или деревянных изделиях и т.д.

В свое время (20026) я сделала попытку доказать, что в знаковой системе боборыкинской культуры воспроизводились мифологические тексты ранних земледельцев Переднего Востока. Чтобы понять смысл знаков, их надо рассматривать, перевернув сосуды устьем вниз. И тогда можно предположительно различить: косые полосы дождя (рис. 2,-3.4), вертикально ползущих змей и столбы, на/у которых свершались жертвоприношения (рис. 2,-8), треугольные очертания гор (рис. 2,-

5,8,9). Просматриваются знаки «виноградной лозы» (рис. 2,-5), зародыша/зерна (рис. 2,-3), фигура ромба/земли/матери, горизонтальные волны и зигзаги — символы воды. Плоское дно нередко украшалось ромбической сеткой, концентрическими кругами или знаком креста. Узоры/знаки наносились не только на внешнюю, но и на внутреннюю поверхность сосудов вплоть до дна (Викторова, 2002б, рис. 1,-4,5,7).

Теперь рассмотрим знаковую систему на энеолитических сосудах интересующего нас района. В северотаежном крае выделены следующие археологические культуры: чужьяельская в междуречье рр. Мезени и Печоры Приуралья, атымьинская и волвончинская в бассейнах рр. Пелыма и Конды, амнинская в бассейне р. Казым Нижнего Приобья. На сосудах с памятников этих культур изменился способ прочтения мифологических текстов. Судя по расположению антропо-зоо-орнитоморфных фигур, знаки следует рассматривать, обратив сосуды устьем вверх.

Но зато, как и на боборыкинской ритуальной керамике, на некоторых сосудах волвончинской культуры видим нанесение узоров на внутреннюю поверхность сосудов (рис.4,-2,5). Среди геометрических узоров встречаем знаки, уже известные на боборыкинской керамике: косые полосы (рис.3,-5), вертикальные волнистые фигуры (рис.4,-1,2), в том числе выполненные рельефно (рис.4,-3), столбообразные фигуры (рис.3,-2,3; 4,-2), треугольники (рис.3,-1), ромбы (рис.3,-4). Следует отметить, что наиболее значимыми в новой знаковой системе оказались: змея, поднимающаяся вверх от дна сосуда (медиатор между мирами?), и ромб, за которым, возможно, сохранилось смысловое значение земля/мать.

Исчезли знаки «виноградной лозы» и зерна/зародыша. Возможно, превратились в декоративные узоры косые полосы — знаки дождя. И если в горнолесном Зауралье на сосудах сохранился символ горы — треугольник вершиной вверх (рис. 4,-4), то в мифологии населения равнинных районов бассейна Конды и Мезенской долине, по всей вероятности, этот образ перестал быть актуальным. Может, поэтому здесь на сосудах изображены треугольники с разнонаправленными вершинами (рис. 3,-5), но чаще всего треугольники, обращенные вершиной вниз (Стоколос, 1986, рис.10,-1; 17; 26; 37; 38).

Ряд образов восходит как к символике на боборыкинской керамике, так и к узорам/знакам на

неолитических сосудах с прочерченно-накольчатый орнаментом. Характерное для двух различных культур изображение воды в виде горизонтальной волнистой линии, выполненное на энеолитических сосудах гребенчатым штампом, приобрело вид горизонтальных зигзагов.

На памятниках амнинского типа сохранился узор в виде заштрихованных взаимопроникающих треугольников (Стефанов, Морозов, 1992, рис.3,-12), многократно встречающийся на неолитических сосудах как в прочерченном, так и гребенчатом вариантах. Можно высказать второе предположение относительно появления на энеолитических сосудах треугольников с разнонаправленными вершинами — они могли быть результатом распада фигур взаимопроникающих треугольников.

С.Ф. Кокшаров отметил, что ряд геометрических фигур на сосудах бассейна Конды завершается тремя ямочками, в которых можно усмотреть аналог двух глаз и носа/рта на скульптурных изображениях, выполненных по краю устья ритуальных неолитических сосудов кокшаровско-юрьинского типа. Но еще более убедительней эта традиция выглядит в скульптурных завершениях, возможно, тоже ритуальных ладьевидных сосудов, распространенных на северотаежных памятниках от р. Казыма (Стефанов, Морозов, 1992, рис.4) до бассейна р. Мезени (Стоколос, 1986, рис.78). Изображение дерева лиственной породы на волвончинском сосуде (рис. 4,-5) выполнено в традициях иконографии фигур на керамике кошкинского типа (ср. Ковалева, Осинцев, 2002, рис.2,-1).

Получается, что знаковая система энеолитических обществ впитала в себя традиции предшествующих поколений, беря из них те символы, которые наиболее соответствовали образу жизни таежных охотников.

Кроме того, истоки символов таежное население находило в самой окружающей среде. Именно она и образ жизни послужили основой для новых геометрических знаков и зоо-орнитоморфных изображений в текстах мифов как на сосудах, так и в наскальных изображениях горно-лесной полосы Урала.

В.Н. Чернецов (рис.6) доказал иконографическое сходство двух знаков на сосудах аятской культуры и наскальных изображениях. Первый знак — горизонтальный зигзаг с отростками (рис. 3,-3,8), второй — вертикальный зигзаг, углы которого завершаются узкими треугольниками (рис. 6,-6,11).

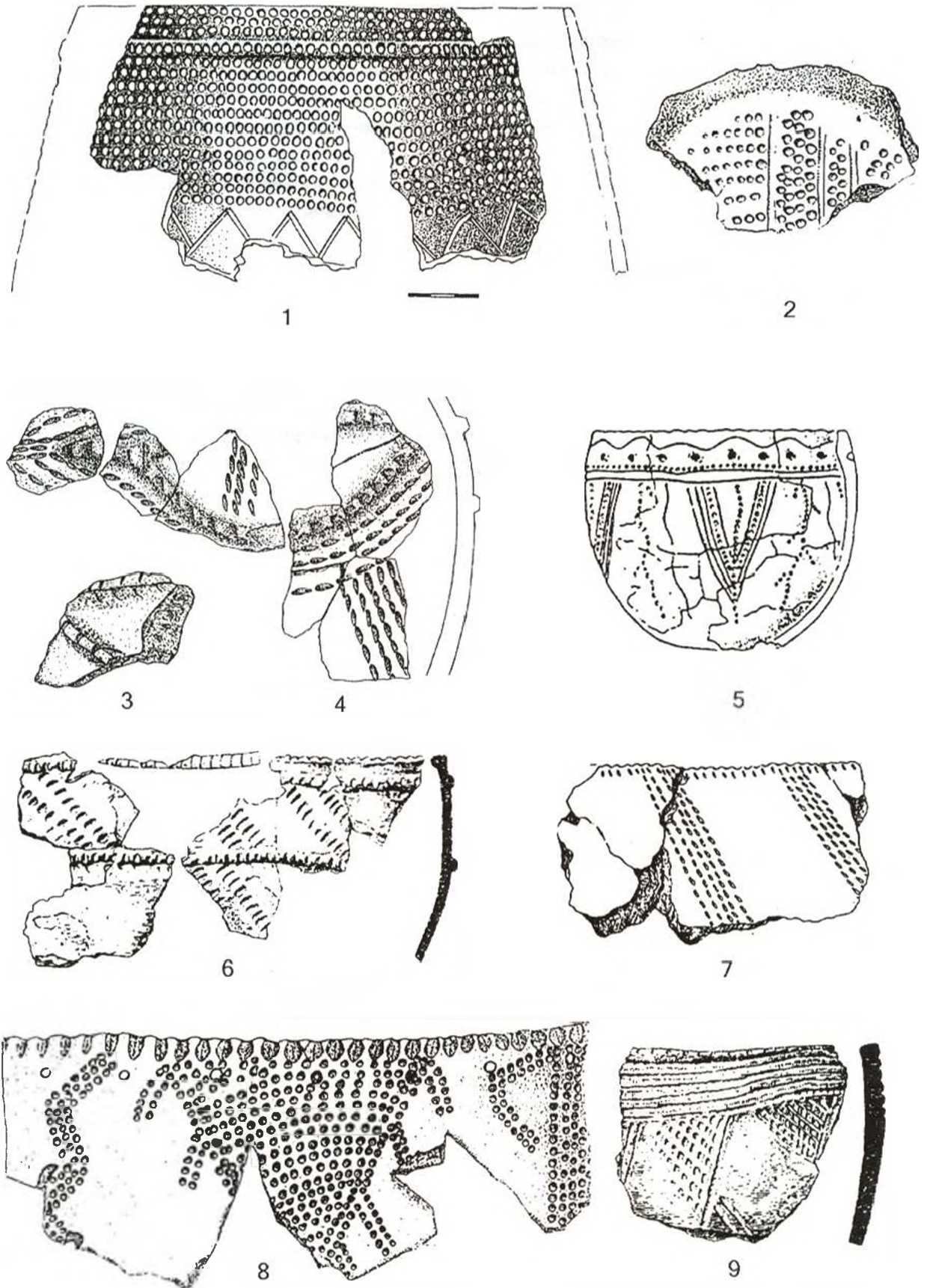

Рис. 2. Керамика эпохи неолита.

1, 2, 3, 8 – Палатки 1 (верховья р. Исети); 4 – ЮАО-IX (низовья р. Туры); 5 – Амня (р. Казым), по Л.Л. Косинской; 6, 9 – Сумпанья VI (бассейн р. Конды), по Л.П. Хлобыстину; 7 – Ук VI (Притоболье), по И.Б. Васильеву, А.А. Выборнову, С.А. Глуценко.

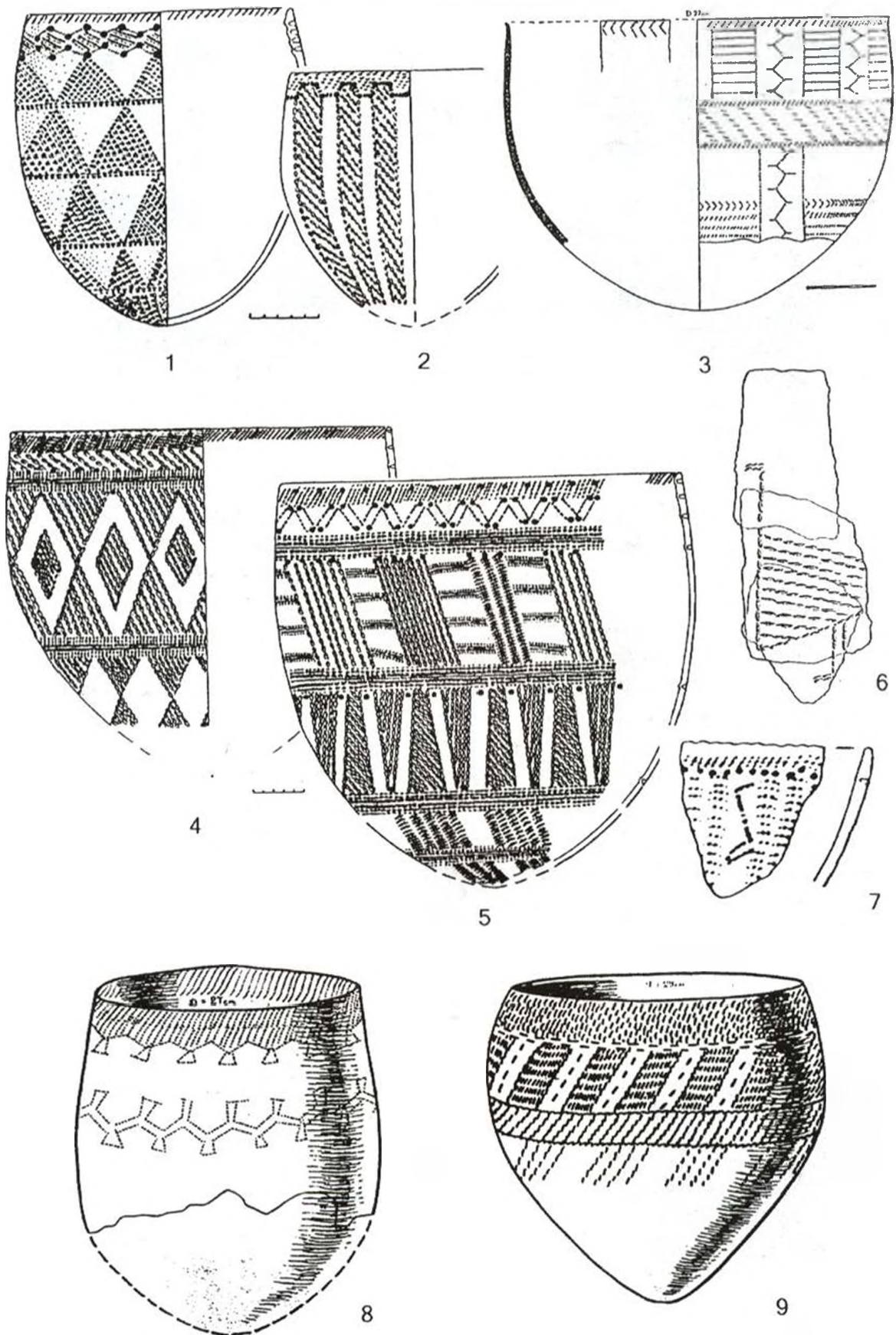

Рис. 3. Керамика эпохи энеолита.

1, 2, 4, 5, 7 – Атымья VI (Бассейн р. Пелым), по В.И. Стефанову, С.Ф. Кокшарову; 3- Заосиновое (бассейн Камы), по О.Н. Бадеру; 6 – Разбойничий остров (верховья р. Исети), по Н.М. Чауркиной; 8, 9 – Аятская стоянка (верховья р. Ницы), по Е.М. Берс.

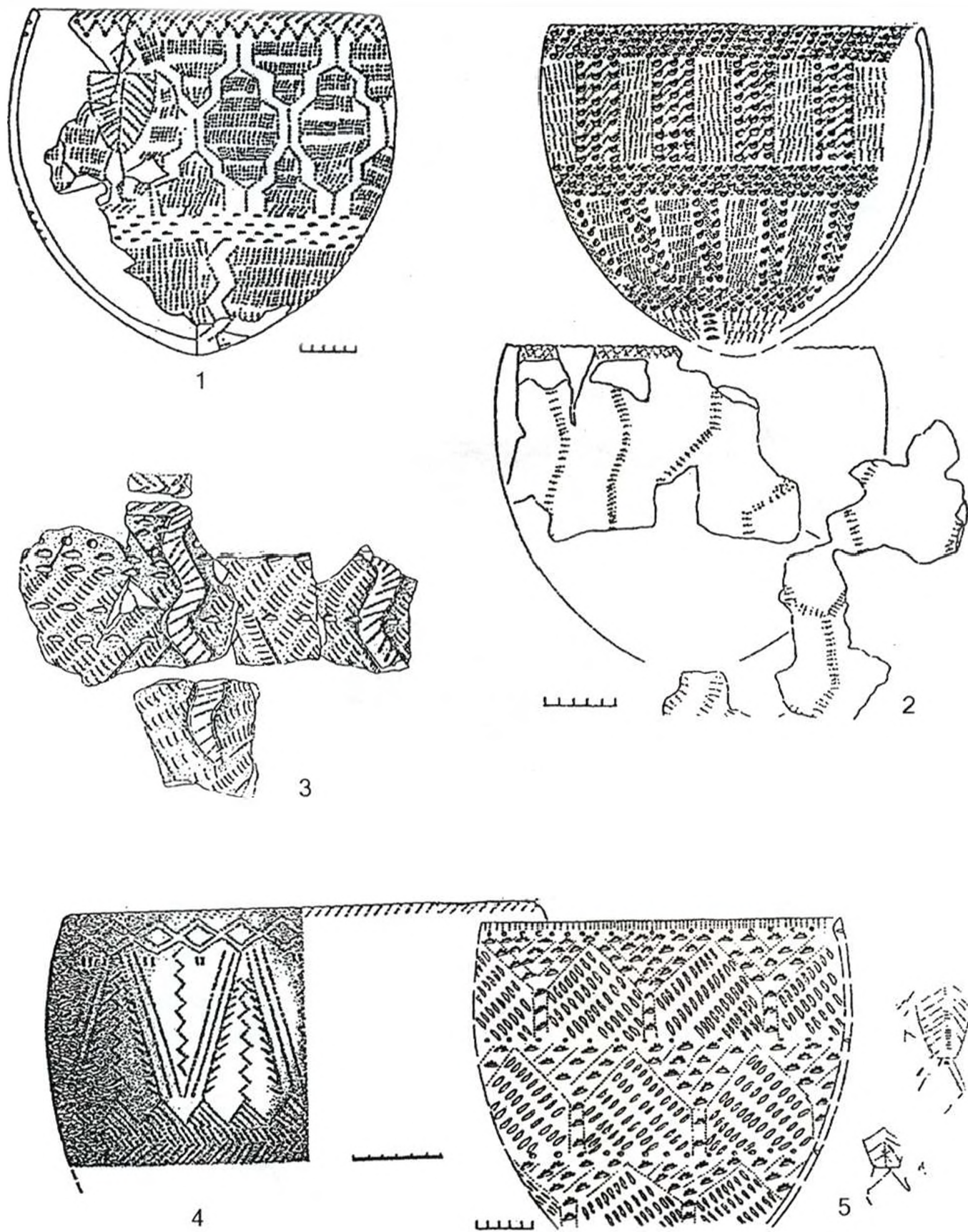

Рис. 4. Керамика эпохи энеолита.
 1-3, 5 – Волвонча 1 (бассейн р. Конды) по С.Ф. Кокшарову;
 4 – Макуша III (верховья р. Исети), по Н.М. Чаиркиной.

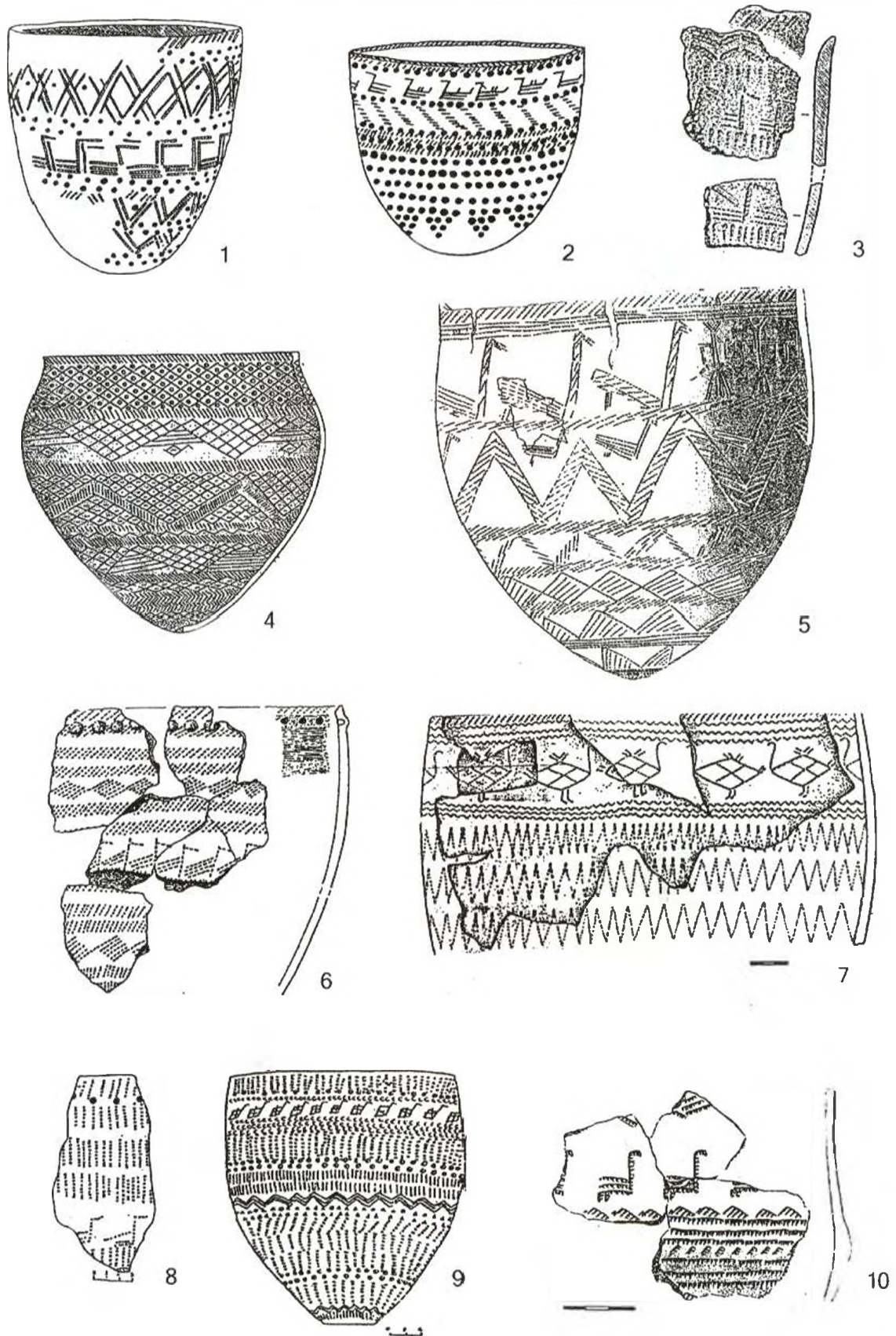

Рис. 5. Керамика с орнитоморфными изображениями. 1 – Сятос (Финляндия), по С.В. Ошибкиной; 2 – Кубенино (верховья Северной Двины), по С.В. Ошибкиной; 3 – Аятская стоянка (верховья р. Ницы), по Е.М. Берс; 4 – Ясунское (р. Ляпин), по Е.В. Васильеву; 5, 9 – Палатки 1 (верховья р. Исети); 6 – Коксинская гора 3, по В.М. Морозову, В.И. Стефанову, А.А. Погодину; 7 – Вара-Хадата II (Ямал), по Е.А. Васильеву; 8 – Леуши XIX, 9 – Лева XII (бассейн р. Конды), по Г.П. Визгалову.

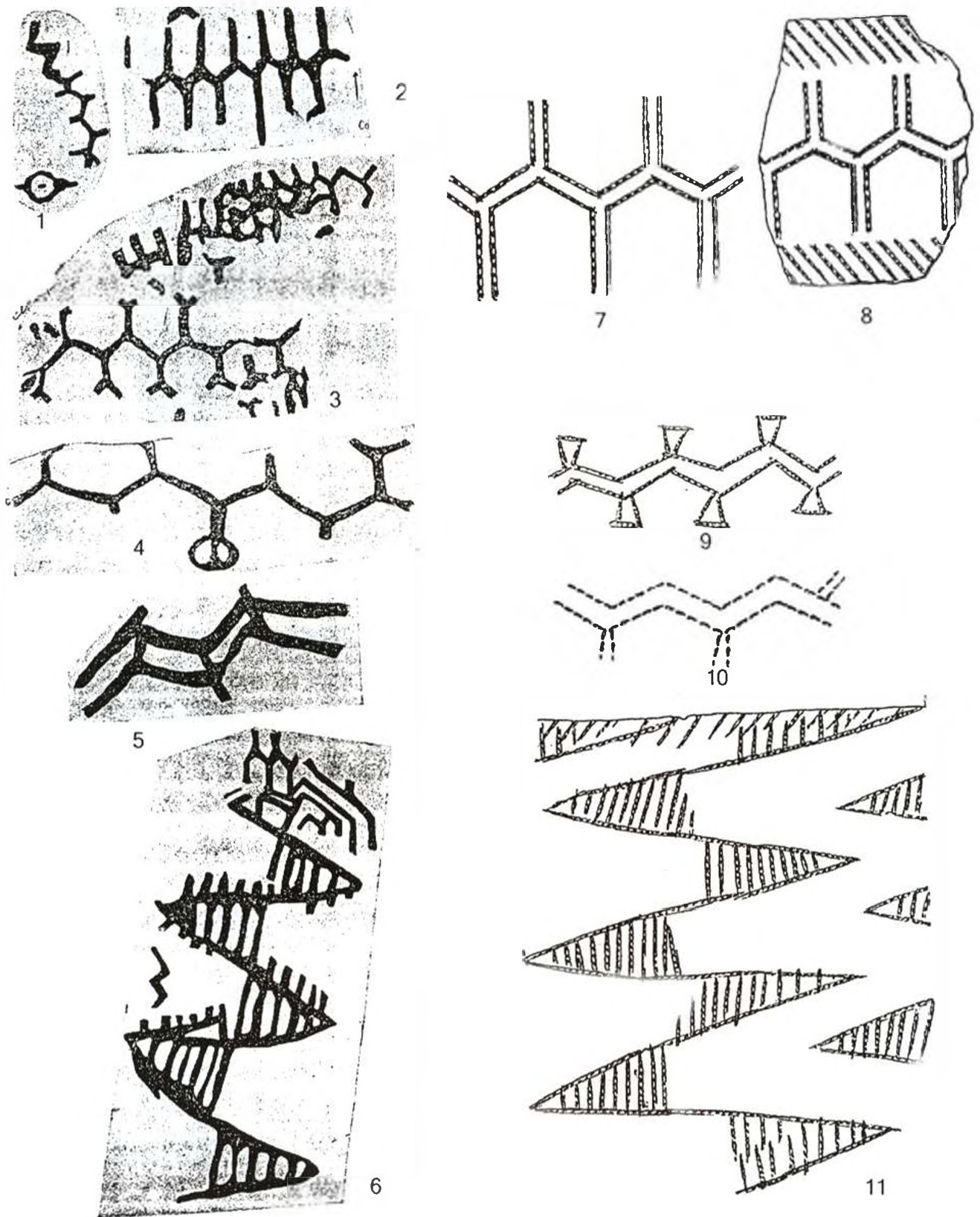

Рис. 6. Изображение фигур на скалах и сосудах, по В.Н. Чернецову.

Исследователь увидел в них символы ловушек, имеющих по очертаниям этнографические параллели (Чернецов, 1964, рис. 10).

В наскальных рисунках часто встречаются различные сочетания шестиугольных и ромбических «сотовых» фигур. На Бородинской 2-й скале (р. Реж) шестиугольные «соты» вытянуты в однорядовую полосу (Чернецов, 1971, т. XII, -33). На камне Двуглазом (р. Нейва) «соты» составляют многорядовую сетку (Чернецов, 1971, т. III, -8), возможно, имитируя рыболовную сеть. Подобные сочетания есть и в наскальных рисунках по берегам р. Тагил, например, на скале Зенковской (Чернецов, 1964, т. XXIV). На Писаном и Змиевом камнях «соты» образуют сложные фигуры (Чернецов, 1964, т. X, XVIII).

Возможно, с сотовыми знаками на скалах перекликаются узоры ромбической сетки, а также манера заполнять «сотами» геометрические фигуры. Она характерна для северотаежных памятников от р. Казыма (Стефанов, Морозов, 1992, рис. 3, -3,5) до р. Мезени (Стоколос, 1986, рис. 73, -3; 78) в широтном направлении и до р. Ляпин — в меридиональном (рис. 5, -4).

Вторая новация в знаковой системе энеолитического времени — появление на скалах и сосудах наряду с образом змеи антропоморфных фигур (рис. 4, -1,5), а также изображений копытных и водоплавающих птиц (рис. 3, -6,7; 5, -3-6).

Иконография наскальных образов разнообразна, и за этим, по всей вероятности, скрывается различное время/эпохи нанесения сюжетов. Но ряд изображений птиц и косуль иконографически сопоставим со знаками на энеолитических сосудах (рис. 3, -6,7; 5, -3).

В.Н. Чернецов (1971, с. 59-66) полагал, что мифологические тексты на скалах, выраженные в различных сочетаниях знаков, связаны с обрядами охотников перед/после промысла и носили календарный характер. В.Н. Широков (Широков, Чаиркин, Чемякин, 2000, рис. 10, с. 40-41) расширил представления о мифологической канве на скалах. В рисунке на Коптеловом 2 камне он увидел фрагмент мифа о водоплавающей птице, ныряющей за землей. Обратим внимание на то, что прямоугольное тело птицы, декорированное параллельной полосой по центру, находит прямые аналогии в фигурах птиц с сосудов Аятской стоянки (рис. 5, -3).

Большой интерес вызывает композиция на сосуде, обнаруженном в центре ритуальной аятской постройки на памятнике Палатки 1 (рис. 5, -5). На нем четко изображены большие и малые фигуры водоплаваю-

щих птиц в позе ныряния. По всей вероятности, здесь воспроизведен миф, известный по мансийскому фольклору (Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 258) о большой и малой гагарах, ныряющих за землей. Важно отметить, что на сосуде горно-лесной полосы птицы ныряют за землей в форме треугольников-гор. В трех фигурах с головой в виде рогов можно предположить зоо-антропоморфных предков.

Второй сосуд, на котором птицы изображены в позе ныряния, найден в бассейне р. Северной Сосьвы (рис. 5, -4).

Сейчас сложно ответить на вопрос, когда и где появился миф о ныряющей за землей птице. Л.Л. Косинская (2001б) видит его начало на неолитических сосудах быстринского типа Среднего Приобья. Но у птиц на этих сосудах иная иконография, нежели у приведенных выше энеолитических фигур.

Может быть и другой исток мифа. Цепочки плывущих птиц, выполненных в манере, близкой к уральской, известны на верхних фризах сосудов от Финляндии (рис. 5, -1), Прионежья (рис. 5, -2) и Волго-Окского междуречья до Нижнего Приобья (рис. 5, -6). Эти находки кажутся весьма знаменательными. Возможно, за ними стоят контакты, в том числе, в духовной сфере, больших групп энеолитического финно-угоро-самодийского населения.

Эстафета образа была принята в эпоху бронзы, где фигуры птиц присутствуют на сосудах от Среднего Зауралья до Ямала (рис. 5, -8-10).

Каждая энеолитическая культура северотаежного края имела свои специфические черты, в том числе и в символике на сосудах. Так, при структурировании мифологической картины мира в горно-лесной полосе Урала ось мира и его трехчастное деление по вертикали переданы в образе мировой горы, а на равнине бассейна Конды — в виде мирового древа.

Но тем не менее можно с большой долей уверенности говорить о том, что северотаежная дорога обеспечила тесные контакты населения амнинской культуры с р. Казым и атымьинской, волончинской культур бассейна рр. Пелыма и Конды и о сложении на основе этих контактов сходных мифологических представлений. Связи с населением бассейна Северной Сосьвы просматриваются в наличии на памятниках керамики с геометрическим орнаментом и изображением водоплавающей птицы.

Есть все основания согласиться с мнением В.С. Стоколоса о пришлом характере чужьяельской культуры. Миграция шла с восточного склона Урала по северотаежной дороге.

Литература

- Буров Г.М., 1968.* Результаты раскопок Висских торфяников в 1963-1964 гг. // Уз ПГУ, № 191 / Труды Камской археологической экспедиции, вып. IV. Пермь.
- Васильев Е.А., 1983.* Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск.
- Визгалов Г.П., 1988.* Поселения с ямочно-ребенчатой керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск.
- Викторова В.Д., 2002а.* Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки 1 // ВАУ. Вып 24. Екатеринбург.
- Викторова В.Д., 2002б.* Мифы на сосудах // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург – Ханты-Мансийск.
- Головнев А.В., 1995.* Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург.
- Глушков И.Н., 1900.* Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение, № 2.
- Зырянова С.Ю., 2002.* Отчет об исследовании поселения Шитовской Исток XI на территории м/о «Среднеуральск» Свердловской области, проведенное летом 2001 г. // Фонды СОКМ.
- Кернер В.Ф., 1999.* Керамический комплекс боборыкинской культуры в верховьях Исети // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск.
- Ковалева В.Т., 1995.* Энеолит Среднего Зауралья. Андреевская культура. Екатеринбург.
- Ковалева В.Т., Осинцев А.В., 2002.* Мировое древо - древнейшая модель мироздания (по материалам неолитических комплексов Зауралья и Западной Сибири) // Барсова гора. 110 лет археологических исследований. Сургут.
- Косарев М.Ф., 1991.* Древняя история Западной Сибири. Человек и природная среда. М.
- Косинская Л.Л., 1997.* Неолит // Археология республики Коми. М.
- Косинская Л.Л., 2002а.* Керамические комплексы в неолите Западной Сибири // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень.
- Косинская Л.Л., 2002б.* Образ водоплавающей птицы на керамике быстринского типа // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень.
- Лузгин В.Е., 1973.* Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского северо-востока // Археологические исследования в бассейне Печоры / МАЕСВ. Вып. 5. Сыктывкар.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. 1990. М.
- Молодин В.И., 2001.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 1. Новосибирск.
- Погодин А.А., 1994.* Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут. Сибирь. Россия. Екатеринбург.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С., 1989.* Неолитические могильники Северной Барабы. Новосибирск.
- Сериков Ю.Б., 2001.* Палеолит и мезолит Среднего Зауралья // Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.и.н. СПб.
- Стефанов В.И., Морозов В.М., 1992.* Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.
- Стоколос В.С., 1986.* Древние поселения Мезенской долины. М.
- Теплоухов А.Е., 1880.* О доисторических жертвенных местах // ЗУОЛЕ. Т. 6, вып 1. Екатеринбург.
- Хлобыстин Л.П., 1993.* Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Polus / Археологические изыскания, вып. 10. СПб.
- Чернецов В.Н., 1953.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА, № 35.
- Чернецов В.Н., 1964, 1971.* Наскальные изображения Урала // САИ, вып. В4-12. Югорск. От легенды до точки на карте. 1997. Екатеринбург.